

МИР ЧЕЛОВЕКА

УДК 159.99

Н.Е. Харламенкова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СУВЕРЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ ПРИ ВЫРАЖЕННОМ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОМ СТРЕССЕ**

В статье представлены результаты пилотажного исследования суверенности психологического пространства личности, ее отдельных показателей и специфики представлений о психологической безопасности у молодых людей 19-25 лет с разной выраженностью посттравматического стресса. Актуальность исследования проблемы определяется расширением круга систематически влияющих на человека травматических стрессоров, отсутствием конкретного знания о различиях в представлении о психологической безопасности и ресурсах достижения психологического благополучия. Обнаружено, что высокому уровню посттравматического стресса соответствует низкий уровень суверенности личности и ее отдельных показателей – суверенности физического тела, суверенности территории и суверенности личных вещей. Показано, что самосохранение и социальная поддержка являются инвариантными характеристиками психологической безопасности, при этом направленность социальной поддержки (поддержка социального окружения или самопомощь) и представление о субъектах, от которых ожидается помощь, различны у людей с разным уровнем посттравматического стресса. Обсуждается проблема дома, домашней среды как ресурса совладания с жизненными трудностями и специфика его использования людьми с высоким уровнем посттравматического стресса.

Ключевые слова: посттравматический стресс, суверенность личности, суверенность физического тела, суверенность территории, суверенность личных вещей, психологическая безопасность, социальная поддержка

Psychological safety and sovereignty of personality with expressed post-traumatic stress. NATALIYA E. KHARLAMENKOVA (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences)

The article presents the results of the pilot study of sovereignty of personal psychological space, its characteristics and specific ideas of psychological safety among young people (19-25 years old) with expressed post-traumatic stress. The study reveals that high level of post-traumatic stress corresponds to the low level of the personality sovereignty and its particular characteristics such as sovereignty of physical body, sovereignty of territory and sovereignty of personal belongings. The author shows that social support and self-preservation are invariant characteristics of psychological safety, whereas the direction of social support and the idea of the subjects, from whom the help is expected, may vary among people with different

levels of post-traumatic stress. The author discusses the issue of home environment as a resource for coping with life difficulties and the specificity of its use by people with high levels of post-traumatic stress.

Keywords: post-traumatic stress, personality sovereignty, sovereignty of physical body, sovereignty of territory, sovereignty of personal belongings, psychological safety, social support

Введение

Посттравматический стресс является одним из психологических последствий влияния на человека травматического события. Это такие события, которые связаны с угрозой жизни и сопровождаются переживанием негативных эмоций – «интенсивного страха, ужаса или чувства безвыходности (беспомощности)» [12, с. 28]. Согласно Н.В. Тарабриной, высокий уровень посттравматического стресса коррелирует с клинической картиной посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), и в соответствии с традицией отечественной клинической психологии представляет психологическую картину ПТСР. Отсроченная реакция на влияние травматического события – один из критериев ПТСР. Признаками посттравматического стресса являются вторжение (настойчивое повторение переживания – навязчивое воспроизведение события, повторяющиеся тяжелые сны о событии, ощущение «оживания» опыта и др.), избегание (стремление уйти от напоминаний о травматическом событии, психогенная амнезия, чувство отстраненности, сниженная выраженность аффекта и др.) и физиологическое возбуждение (трудности с засыпанием, раздражительность, гипербдительность, рассеянность внимания и др.).

При посттравматическом стрессе изменяются представления о себе и о мире, наблюдается динамика базисных убеждений, человек становится более тревожным, ранимым, подверженным влиянию других стрессоров [9; 14]. Изменение мотивационно-потребностной сферы личности обнаруживает себя в ощущении фрустрации удовлетворения потребностей, в появлении внутренних барьеров и чувства депривированности.

Иными словами, при посттравматическом стрессе может наблюдаться снижение показателей суверенности психологического пространства (СПП), таких как суверенность физического тела субъекта, его территории, личных вещей, временных привычек, социальных связей и ценностей, а также в целом СПП как способности субъекта удерживать свои личностные границы и контролировать свое психологическое пространство [4; 5]. Потеря человеком возможности контролиро-

вать границы своего психологического пространства может подкреплять и усиливать посттравматическую симптоматику и делать безуспешными психотерапевтические интервенции. Как показано в ряде исследований, эффективность психотерапии зависит от достигнутого субъектом чувства защищенности и ощущения безопасности [16; 17; 18; 19; 21], от того, насколько надежно и уверенно он себя чувствует. Однако, несмотря на важность понимания того, как связаны между собой уровень посттравматического стресса, суверенность психологического пространства и психологическая безопасность, их сопряженность и ее характер практически не изучены.

Проблема настоящего исследования состоит в том, чтобы понять, как при разной выраженности посттравматического стресса изменяются суверенность/депривированность психологического пространства, а также представление субъекта о психологической безопасности. Актуальность исследования этой проблемы определяется расширением круга систематически влияющих на человека травматических стрессоров, отсутствием конкретного знания о различиях в представлениях о психологической безопасности и ресурсах достижения психологического благополучия. Важно в связи с этим отметить, что различия в представлениях о психологической безопасности могут быть связаны с разным опытом переживания состояния опасности/безопасности, а также с разной мерой ответственности за собственную безопасность. В этом смысле один субъект склонен оценивать безопасность как состояние, когда отсутствует тревога, волнение, угрозы, а другой – связывать ее со своей способностью понять ситуацию, предвидеть ее последствия, оценить свои возможности и, если это необходимо, использовать дополнительные ресурсы для достижения безопасности.

Цель исследования – проанализировать представления о психологической безопасности и выявить уровень суверенности психологического пространства личности при выраженном посттравматическом стрессе. Объектом исследования является посттравматический стресс и суверен-

* ХАРЛАМЕНКОВА Наталья Евгеньевна, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии РАН.

E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

© Харламенкова Н.Е., 2015

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-06-00390а.

ность психологического пространства у молодых людей в возрасте 19-25 лет. Предмет исследования – представление о психологической безопасности личности и показатели суверенности психологического пространства у молодых людей с разной выраженностью посттравматического стресса.

Гипотезы:

1. При высоких показателях посттравматического стресса (ПТС) уровень суверенности психологического пространства личности снижается, причем в большей степени эта зависимость проявляется при оценке суверенности физического тела, территории и личных вещей.
2. У людей с высоким уровнем ПТС психологическая безопасность связана с ожиданием поддержки от социального окружения, а у людей с низким ПТС – с самопомощью, т.е. с умением прогнозировать ситуацию и владеть информацией.

Методика

В статье представлены результаты пилотажного исследования, которое было спланировано на основе ранее полученных результатов [15].

Участниками исследования выступили 22 человека. Возраст респондентов от 19 до 25 лет (10 муж., 12 жен.), студенты московских вузов¹.

В процессе исследования был использован ряд методик.

Для изучения представлений о психологической безопасности применялась Анкета психологической безопасности (Н.Е. Харламенкова), разработанная в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН, которая представляет собой список из 60 слов-дескрипторов, наиболее часто ассоциирующихся с психологической безопасностью. Респондентам предлагалось оценить степень близости того или иного дескриптора к своему представлению о безопасности (по шкале от +2 – абсолютно соответствует до -2 – совершенно не соответствует).

Степень выраженности посттравматической симптоматики определялась по Миссисипской шкале (МШ, гражданский вариант) – *Mississippi Scale (civilian version)* [20], в адаптации Н.В. Тарабриной с коллегами [11; 13]. Методика представляет собой список из 39 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной системе Лай-

керта с выбором ответов от «совершенно неверно» до «совершенно верно». Итоговый результат выводится путем суммирования баллов и позволяет выявить степень воздействия на индивида перенесенного травматического опыта.

Для диагностики суверенности психологического пространства личности и его параметров применялась новая версия опросника «СПП – 2010» [6], который включает 67 утверждений, объединенных в 6 шкал: суверенность физического тела (СФТ), суверенность территории (СТ), суверенность вещей (СВ), суверенность привычек (СП), суверенность социальных связей (СС) и суверенность ценностей человека (СЦ). Рассчитывается общий показатель по опроснику (СПП).

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью программного пакета Statistika 7.0, были использованы: U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена (r_s).

Результаты и обсуждение

Для проверки выдвинутых гипотез выборка была разделена на две группы по общему показателю Миссисипской шкалы (МШ): на группу с низкими (≤ 78 баллов, $n=10$, группа 1) и высокими значениями по МШ (> 78 баллов, $n=12$, группа 2). Результаты сравнения групп по данным методики «Суверенность психологического пространства» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение групп с высокими и низкими значениями ПТС (Миссисипская шкала) по показателям суверенности психологического пространства (новая версия опросника «СПП – 2010»)

Шкалы СПП	Сумма рангов группа 1	Сумма рангов группа 2	U-критерий Манна-Уитни	p-level
СФТ	154,5	98,5	20,5	0,01**
СТ	148,0	105,0	27,0	0,03*
СВ	148,0	105,0	27,0	0,03*
СП	143,5	109,5	31,5	0,06
СС	132,5	120,5	42,5	0,26
СЦ	141,5	111,5	33,5	0,09
СПП	154,0	99	27,0	0,01**

Примечание: U – критерий Манна-Уитни; * – значимость различий на уровне $p < .05$, ** – значимость различий на уровне $p < .01$.

Статистический анализ данных позволил подтвердить *первую гипотезу* исследования, согласно которой при высоких показателях посттравматического стресса (ПТС) уровень суверенности психологического пространства личности снижается, причем в большей степени эта зависимость проявляется при оценке суверенности физического тела, территории и личных вещей. По данным настоящего исследования в определенной мере эта тенденция проявляется и при сравнении групп по показателю суверенности привычек. Согласно Нартовой-Бочавер становление суверенности физического тела, суверенности территории и суверенности вещей происходит в раннем онтогенезе (в младенчестве и далее, включая дошкольный возраст) и определяет чувство комфорта, автономности и недепривированности человека, связанного с его ранним опытом. Можно предполагать, что стрессоры высокой интенсивности, вызывая у определенной части населения признаки отсроченного – посттравматического стресса, затрагивают самый ранний опыт человека, нарушая его чувство самобытности, свободы и защищенности. Возможно и иное объяснение, которое состоит в том, что симптоматика посттравматического стресса, прежде всего, возникает у депривированных людей с нарушенными границами психологического пространства, и особенно у тех респондентов, которые

в раннем возрасте не получили достаточной поддержки в развитии суверенности психологического пространства, связанной с соматическим благополучием и с уверенностью в надежности личной территории и в доступности личных вещей.

Депривированность психологического пространства личности сопряжена с нарушением психологической безопасности, с восприятием окружающего мира как угрожающего, фрустрирующего, недоброжелательного. Анализ представлений респондентов о психологической безопасности, диагностика которых проводилась с помощью соответствующей анкеты (см. раздел Методика), позволил проверить вторую гипотезу, согласно которой у людей с высоким уровнем ПТС психологическая безопасность связана с ожиданием поддержки от социального окружения, а у людей с низким ПТС – с самопомощью, т.е. с умением прогнозировать ситуацию и владеть информацией.

Оценка предпочтений в выборе слов-дескрипторов осуществлялась путем подсчета суммы баллов по ответам +1 и +2 по каждому из 60 дескрипторов Анкеты психологической безопасности у всех респондентов ($n=22$) с последующим расчетом верхних квартилей, а также в каждой группе. Если суммы баллов по определенному дескриптору превышали значения верхнего квартиля, то их рассматривали как предпочитаемые ассоциации (таблица 2).

Таблица 2

Предпочтения (ранги) в выборе слов-дескрипторов Анкеты психологической безопасности в исследуемой выборке ($n=22$) и в группах (группа 1 и группа 2)

Дескрипторы	Вся выборка ($n=22$)	Группа 1 ($n=10$)	Группа 2 ($n=12$)
Контроль ситуации	1	11	1
Самосохранение	2	3	3
Поддержка, помощь	3	4	4
Уверенность в себе	4	12	2
Надежность	5	1	8
Защита, защищенность	6	5	9
Надежные друзья, верность	7	14	5
Отсутствие угроз	8	–	–
Самореализация	9	–	6
Надежный спутник, опора	10	10	17
Доверие	11	16	7
Жизненный опыт, опытность	12	13	14
Здоровье	13	2	–
Дом, жилье	14	–	11
Уверенность в окружении	15	8	–
Отсутствие тревоги, страха	16	9	–
Мир в стране	–	6	–
Владение информацией	–	7	–
Ответственность, долг	–	15	–
Поддержка мамы	–	–	10
Счастье	–	–	12
Мудрость	–	–	13
Самоанализ, самопознание	–	–	15
Родители	–	–	16

Примечание: Цифры указывают на большее (1 ранг) или меньшее (16 или 17 ранг) предпочтение дескриптора в группе значимых ассоциаций; знак “–” означает, что сумма баллов, набранная по данному дескриптору, не превышает значения верхнего квартиля, и этот дескриптор не входит в группу предпочитаемых ассоциаций.

Сопоставление предпочитаемых оценок психологической безопасности (таблица 2) показало, что «самосохранение» и «поддержка, помощь» являются устойчивыми (инвариантными) характеристиками, приписываемыми психологической безопасности. При отсутствии признаков посттравматического стресса или их слабой выраженности (группа 1) психологическая безопасность оценивается человеком, прежде всего, как «надежность», «здоровье», «самосохранение», «поддержка, помощь» и «защита защищенность». Психологическая безопасность соотносится с широким социальным контекстом («мир в стране», «уверенность в окружении») и с собственными способностями и усилиями («владение информацией», «ответственность, долг»).

При выраженном посттравматическом стрессе (группа 2) психологическая безопасность ассоциируется с «контролем ситуации», «уверенностью в себе», «самосохранением», «поддержкой, помощью» и наличием «надежных друзей». Специфика представлений о безопасности в этой группе респондентов связана с тем, что социальный мир существенно сужается до уровня ближайшего окружения и рассматривается с точки зрения ожидаемой от него помощи («надежные друзья, верность», «поддержка мамы», «родители»). Также интересно отметить, что такой показатель как «дом, жилье» оказывается важной составляющей психологической безопасности у респондентов с высоким уровнем ПТС.

Корреляция общего показателя ПТС с отдельными параметрами психологической безопасности, которые являются наиболее близкими ассоциациями, выбираемыми респондентами (таблица 1), показала, что чем выше уровень ПТС, тем реже респонденты выбирают дескриптор «жизненный опыт, опытность» ($r_s = -0,44, p < 0,05$), «отсутствие тревоги, страха» ($r_s = -0,45, p < 0,05$), «владение информацией» ($r_s = -0,46, p < 0,05$).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что вторая гипотеза также находит свое подтверждение. Следует, однако, добавить, что при высоком ПТС обращение к собственным ресурсам, например, к самоанализу и самопознанию, которые могут помочь человеку справиться с эмоциональным неблагополучием, тоже отмечается респондентами. Тем не менее, риск обращения этого ресурса в симптом, например, такой как руминация, персеверация, остается.

Дополнительно к проведенному анализу данных были изучены связи между переменными, представленными в Таблице 2, для каждой группы. Получены следующие результаты. В первой группе отсутствуют связи какой-либо переменной

с двумя и более другими переменными, т.е. не наблюдается выраженных корреляционных плеяд.

Во второй группе выделяются две такие плеяды. Центром первой из них является переменная «дом, жилье», центром второй – «мудрость». Переменная «дом, жилье» связана с другими переменными: «надежный спутник, опора» ($r_s = 0,83, p < 0,01$), «мудрость» ($r_s = 0,81, p < 0,01$), «счастье» ($r_s = 0,81, p < 0,01$), «поддержка, помощь» ($r_s = 0,64, p < 0,05$), «надежные друзья, верность» ($r_s = 0,64, p < 0,05$), «надежность» ($r_s = 0,63, p < 0,05$), «родители» ($r_s = 0,62, p < 0,05$), «доверие» ($r_s = 0,61, p < 0,05$). С переменной «мудрость» связаны «дом, жилье» ($r_s = 0,81, p < 0,01$), «надежность» ($r_s = 0,75, p < 0,01$), «поддержка, помощь» ($r_s = 0,64, p < 0,05$), «надежные друзья, верность» ($r_s = 0,59, p < 0,05$), «родители» ($r_s = 0,58, p < 0,05$).

По-видимому, отсутствие в первой группе корреляционных плеяд показывает, что представление о психологической безопасности не имеет четко очерченной структуры и может в зависимости от жизненных обстоятельств меняться. Отсутствие симптомов посттравматического стресса (группа 1), как показало настоящее исследование, характерно для людей с высоким уровнем суверенности психологического пространства. С.К. Нартова-Бочавер отмечает, что «суверенность обладает эволюционным и социальным значением, адаптируя человека и помогая ему встраиваться в новые жизненные обстоятельства без риска утраты собственной идентичности и аутентичности» [7, с. 16]. Согласно выявленным между группами различиям по суверенности физического тела, суверенности территории и суверенности личных вещей при низком уровне посттравматического стресса человек ощущает свою причастность миру и имеет достаточно пластичные границы, он может экспериментировать и даже рисковать, не опасаясь потерять чувство собственного Я, свою идентичность. Упроченные в раннем детстве отношения с миром, в которых ребенок ощущает себя субъектом, создают свободу действовать по определенным правилам, они являются внутренними, подвижными и легко регулируемыми схемами, естественными для ребенка, и выступают основой его функционирования на последующих стадиях развития [1; 2].

При выраженном посттравматическом стрессе (группа 2) либо ранний опыт ребенка является не столь позитивным по сравнению с первой группой, либо привычные для человека, его опыта отношения с миром «ломаются», и он теряет чувство свободы и автономности, становится не субъектом социальных отношений, а объектом воздействия. Представления о психологической безопасности, как и в первой группе, соотносятся с поддержкой, поиском помощи, однако такого рода отношения оцениваются

более конкретно, привычно («поддержка мамы», «родители»), и поэтому менее ответственны для субъекта. Родительская поддержка ставит человека в позицию ребенка, пассивно принимающего заботу, внимание и бескорыстную помощь.

Предполагаемые различия между группами (гипотеза 2) по характеру поддержки – поддержка ожидается от социального окружения или от самого субъекта (самопомощь), который умеет строить прогнозы, владеет информацией, оказались неярко выраженными. Тем не менее, в первой группе «владение информацией» (7 ранг), а во второй группе – «мудрость» (13 ранг) и «самоанализ, самопознание» (15 ранг) не равнозначны. По-видимому, при отсутствии симптомов ПТС безопасность действительно достигается активными действиями, а при выраженном ПТС – лишь желанием быть мудрым, при этом самоанализ и самопознание не обязательно предполагают активацию рефлексии. Этот вывод подтверждается тем, что переменная «мудрость» в этой группе тесно связана с переменными «дом, жилье», «надежность», «поддержка, помощь», «надежные друзья, верность», «родители», то есть, скорее всего, приписывается значимым фигурам.

Ассоциация безопасности с домом, его надежностью и поддержкой со стороны родителей, верных друзей у респондентов с высоким уровнем ПТС объясняется сужением социального круга до границ безопасного окружения. По мнению А.А. Бочавер, одним из компонентов представлений о доме является так называемый универсальный образ дома как безопасного для человека пространства, «дом обеспечивает не только физическую безопасность владельца, но и его личностную целостность, способность к долговременному планированию, прогнозированию и целеполаганию, устойчивость социальных связей» [3, с. 10]. Автор рассматривает дом как психотерапевтический ресурс совладания с теми или иными жизненными проблемами и трудностями, как средство, с помощью которого можно «хотя бы отчасти компенсировать переживаемые в настоящем небезопасность и одиночество» [3, с. 11].

Безусловно, нельзя однозначно трактовать дом как убежище, которое имеет для человека только позитивный смысл. Дом может защищать от опасности, а может ограничивать действия человека, быть местом, которое позволяет уйти от проблем и продолжительно пребывать «в изоляции, вне досягаемости» [10, с. 17].

Позитивный смысл дома, домашней среды в том, что это «место, где можно сделать что-то полезное или интересное, защита от стихий и недоброжелателей, это почва, основа, «тыл». Отсюда человек выходит в другие социальные пространства и сюда

стремится вернуться. Дом – метафора личности, результат жизнестворчества субъекта и в то же время – источник его изменения [8, с. 71]. Домашняя среда, по мнению Нартовой-Бочавер, является существенным экосоциальным ресурсом, поддерживающим психологическое благополучие.

Несмотря на важность самого факта наличия у человека дома, качественная оценка домашней среды с точки зрения ее дружественности, «как меры соответствия существующих и воспринимаемых возможностей среды потребностям находящегося в ней субъекта» [8, с. 73], также крайне важна. Сложности с пониманием друг друга в ближайшем окружении могут возникать вследствие желаемой, но не реализуемой этим окружением поддержки одного или нескольких членов семьи, получивших психическую травму. Ограниченность ресурсов совладания с трудностями только ресурсностью «дома» (т.е. помощью, поддержкой, пониманием друзей и родителей) без более широких связей и отношений, по-видимому, также малоэффективна. Именно поэтому «привязанность» человека, получившего психическую травму, к дому не следует однозначно трактовать как позитивный ресурс, используемый для достижения психологического благополучия, но допускать возможность инвертирования представлений об этом ресурсе как источнике совладания с жизненными трудностями.

Выводы

Полученные в исследовании результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Существует связь между уровнем посттравматического стресса, суверенностью/депривированностью психологического пространства личности и ее представлениями о психологической безопасности.
2. Высокому уровню посттравматического стресса соответствует низкий уровень суверенности личности и ее отдельных показателей — суверенности физического тела, суверенности территории и суверенности личных вещей.
3. Различия в представлениях о психологической безопасности у людей с разным уровнем посттравматического стресса обнаружены в направленности социальной поддержки и в предпочтении выбора близких людей в качестве субъектов помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8-18.
2. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в пси-

хологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Издательство «Академический проект», 2000. С. 27-42.

3. Бочавер А.А. Представления о доме как элементе персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5-15.

4. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М.: Издательство «Прометей», 2005.

5. Нартова-Бочавер С.К. Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 77-89.

6. Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105-119.

7. Нартова-Бочавер С.К. Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней взрослости // Клиническая и специальная психология. 2015. № 1. С. 5-28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Nartova_Bochaver.shtml

8. Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И. Метод оценки дружественности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71-83.

9. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012.

10. Стайнер Дж. Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов. М.: Издательств «Когито-Центр», 2010.

11. Тарабрина Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. М.: Издательство «Когито-Центр», 2007.

12. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2009.

13. Тарабрина Н.В., Агарков В.А., Быховец Ю.В., Калмыкова Е.С., Макачук А.В., Падун М.А., Удачина Е.Г., Химчан З.Г., Шаталова Н.Е., Щепина А.И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Издательство «Когито-Центр», 2007.

14. Тарабрина Н.В., Ворона О.А., Курчакова М.С., Падун М.А., Шаталова Н.Е. Онкопсихология: посттравматический стресс у больных раком молочной железы. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010.

15. Харламенкова Н.Е. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. М.: Издательство «Институт психологии РАН». 2012. С. 141-160.

16. Anderson, M.L. and Najavits, L.M., 2014. Does seeking safety reduce PTSD symptoms in women receiving physical disability compensation? *Rehabilitation Psychology*, Vol. 59, no. 3, pp. 349-353.

17. Cai, W., Ding, C., Tang, Y.-L., Wu, S. and Yang, D., 2014. Effects of social supports on posttraumatic stress disorder symptoms: moderating role of perceived safety. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, Vol. 6, no. 6, pp. 724-730.

18. Hien, D.A., Morgan-Lopez, A.A., Campbell, A.N.C., Saavedra, L.M., Wu, E., Cohen, L., Ruglass, L., Nunes, E.V., 2012. Attendance and substance use outcomes for the Seeking Safety program: Sometimes less is more. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, Vol. 80, no. 1, pp. 29-42.

19. Johnson, D.M., Zlotnick, C., 2009. HOPE for battered women with PTSD in domestic violence shelters. *Professional Psychology: Research and Practice*, Vol. 40, no. 3, pp. 234-241.

20. Keane, T.M., Caddell, J.M. and Taylor, K.L., 1988. Mississippi scale for combat-related Posttraumatic Stress Disorder: three studies in reliability and validity. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, Vol. 56, no. 1, pp. 85-90.

21. Patitz, B.J., Anderson, M.L. and Najavits, L.M., 2015. An outcome study of Seeking Safety with rural community-based women. *Journal of Rural Mental Health*, Vol. 39, no. 1, pp. 54-58.

REFERENCES

1. Antsyferova, L.I., 1981. О динамическом подходе к психологическому изучению личности [On the dynamic approach to psychological investigation of personality], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 2, no. 2, pp. 8-18. (in Russ.)

2. Antsyferova, L.I., 2000. Psikhologicheskoe soderzhanie fenomena «sub'ekt» i granitsi sub'ektnodeyatelnostnogo podkhoda [The psychological content of the phenomenon of subject and the boundaries of subject-activity approach]. In: Brushlinski, A.V., Volovikova, M.I. and Druzhinin, D.N. eds., 2000. *Problema sub'ekta v psikhologicheskoi nauke*. Moskva: Akademicheskii proekt, pp. 27-42. (in Russ.)

3. Bochaver, A.A., 2015. Predstavleniya o dome kak elemente personal'nogo opyta [Home as a category of personal experience], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 36, no. 4, pp. 5-15. (in Russ.)

4. Nartova-Bochaver, S.K., 2004. Oprosnik "Suverenost' psikhologicheskogo prostranstva lichnosti" – noviy metod diagnostiki lichnosti ["Sovereignty of the personal psychological space" questionnaire – the new inventory of the diagnostics of the personality], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 25, no. 5, pp. 77-89. (in Russ.)

5. Nartova-Bochaver, S.K., 2005. Psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti [Psychological space of personality]. Moskva: Prometei. (in Russ.)

6. Nartova-Bochaver, S.K., 2014. Novaya versiya oprosnika "Suverenost' psikhologicheskogo prostranstva lichnosti – 2010" [New version of "Sovereignty of the personal psychological space – 2010" questionnaire], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 35, no. 3, pp. 105-119. (in Russ.)

7. Nartova-Bochaver, S.K., 2015. Psikhologicheskaya suverenost' kak prediktor emotsional'noi ustoichivosti v ranney i sredney vzroslosti [Psychological sovereignty as the predictor of emotional stability in early and middle adulthood]. URL: http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Nartova_Bochaver.shtml (in Russ.)

8. Nartova-Bochaver, S.K., Dmitrieva, N.S., Reznichenko, S.I., Kuznetsova, V.B. and Braginets, E.I., 2015. Metod otsenki druzhestvennosti zhilishcha: oprosnik "Funktional'nost' domashneyi sredy" [The instrument for assessment of dwelling friendliness: "Functionality of home environment" questionnaire], *Psikhologicheskii zhurnal*, Vol. 36, no. 4, pp. 71-83. (in Russ.)

9. Padun, M.A. and Kotel'nikova, A.V., 2012. Psikhicheskaya travma i kartina mira: teoriya, empiriya, praktika [Psychic trauma and the view of the world: theory, empiricism, practice]. Moskva: Institut psikhologii RAN. (in Russ.)

10. Steiner, J., 2010. Psikhicheskie ubezhishcha. Patologicheskie organizatsii u psikhoticheskikh, nevroticheskikh i pogranychnykh patsientov [Psychic refuge. Psychic organizations in psychotic, neurotic and borderline patients]. Moskva: Kogito-Tsentr. (in Russ.)

11. Tarabrina, N.V., 2007. Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologii posttravmaticheskogo stressa. Ch. 2. Blanki metodik [Practical manual on the psychology of posttraumatic stress. Part 2: Forms of methods]. Moskva: Kogito-Tsentr. (in Russ.)

12. Tarabrina, N.V., 2009. Psikhologiya posttravmaticheskogo stressa: teoriya i praktika [Psychology of posttraumatic stress: theory and practice]. Moskva: Kogito-Tsentr. (in Russ.)

13. Tarabrina, N.V., Agarkov, V.A., Bychovets, U.V., Kalmykova, E.S., Marchuk, A.V., Padun, M.A., Udachina, E.G., Himchan, Z.G., Shatalova, N.E. and Shchepina, A.I., 2007. *Prakticheskoe rukovodstvo po psikhologii posttravmaticheskogo stressa*. Ch. 1. Teoria i metodi [Practical manual on the psychology of posttraumatic stress. Part 1: Theory and methods]. Moskva: Kogito-Tsentr. (in Russ.)

14. Tarabrina, N.V., Vorona, O.A., Kurchakova, M.S., Padun, M.A. and Shatalova, N.E., 2010. *Onkopsikhologiya: posttravmaticheskii stress u bol'nykh rakom molochnoy zhelezi* [Oncopsychology: posttraumatic stress in patients with mammary cancer]. Moskva: Institut psikhologii RAN. (in Russ.)

15. Kharlamenkova, N.E., 2012. Predstavleniya o psikhologicheskoi bezopasnosti: vozrastnoi i lichnostnyi komponenty [Representation of psychological safety: age and personal components]. In: Volovikova, M.I. and Kharlamenkova, N.E. eds., 2013. *Sovremennaya lichnost': psikhologicheskie issledovaniya*. Moskva: Institut psikhologii RAN, pp. 141-160.

16. Anderson, M.L. and Najavits, L.M., 2014. Does seeking safety reduce PTSD symptoms in women receiving physical disability compensation? *Rehabilitation Psychology*, Vol. 59, no. 3, pp. 349-353.

17. Cai, W., Ding, C., Tang, Y.-L., Wu, S. and Yang, D., 2014. Effects of social supports on posttraumatic stress disorder symptoms: moderating role of perceived safety. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, Vol. 6, no. 6, pp. 724-730.

18. Hien, D.A., Morgan-Lopez, A.A., Campbell, A.N.C., Saavedra, L.M., Wu, E., Cohen, L., Ruglass, L., Nunes, E.V., 2012. Attendance and substance use outcomes for the Seeking Safety program: Sometimes less is more. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, Vol. 80, no. 1, pp. 29-42.

19. Johnson, D.M., Zlotnick, C., 2009. HOPE for battered women with PTSD in domestic violence shelters. *Professional Psychology: Research and Practice*, Vol. 40, no. 3, pp. 234-241.

20. Keane, T.M., Caddell, J.M. and Taylor, K.L., 1988. Mississippi scale for combat-related Posttraumatic Stress Disorder: three studies in reliability and validity. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, Vol. 56, no. 1, pp. 85-90.

21. Patitz, B.J., Anderson, M.L. and Najavits, L.M., 2015. An outcome study of Seeking Safety with rural community-based women. *Journal of Rural Mental Health*, Vol. 39, no. 1, pp. 54-58.